

**Елена Николаевна
КАРАБАНОВА**
доктор юридических наук

Аксиологические основы уголовного правотворчества

Право, будучи проявлением воли государства, провозглашает и защищает социальные ценности, которые государство полагает значимыми. Поэтому имманентным свойством правотворческой деятельности является ее ценностная ориентация, что выводит на первый план необходимость аксиологического осмысления правотворчества.

Уголовное право, несмотря на его узкоспециальную функцию, а точнее благодаря ей, представляет собой квинт-эссенцию ценностной ориентации общества. «Если история не сохранила нам от какого-нибудь народа ничего другого, кроме его уголовного права, – писал Г. Еллинек, – мы в состоянии определить только по нему степень его моральной и интеллектуальной культуры, как естествоиспытатель по найденной кости может реконструировать скелет погибшего животного»¹. Сказанное как нельзя лучше демонстрирует ту ответственность, которая лежит на субъектах уголовного правотворчества.

Осуществляя уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, прокуроры нередко сталкиваются с проблемами правоприменения, истоки которых – в несовершенстве законодательства. Недостатки уголовного закона – большей частью его пробелы, несоответствие реальным потребностям общества и государства, недостаточность мер уголовно-правового реагирования на вызовы современного мира и прочие дефекты – хорошо известны профессионалам. Тем паче что в силу особенностей уголовных правоотношений, их публично-правового характера не так много субъектов, применяющих уголовное право и потому имеющих возможность компетентно и с практической точки зрения судить о его качестве (в полной мере полномочием уголовного правоприменения наделены только суд, прокуратура, органы следствия и дознания). В этом контексте участие прокуратуры в правотворческой деятельности – а эту функцию прокуратура осуществляет с самых истоков – является эксклюзивным и вносит не-

¹ Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 129.

оценимый вклад в уголовное нормотворчество². Последнее, разумеется, должно быть научно обоснованным.

Общетеоретический аспект аксиологической концепции уголовного права представляет собой составную часть его доктрины. С онтологической точки зрения в основе этой концепции лежит понятие социальной ценности. Если мы не хотим углубляться в философскую дискуссию о содержании данного понятия, то единственно потому, что она безгранична и уведет нас в сторону от юридической тематики. Отметим лишь, что традиционно «социальная ценность» означает *ценное для общества явление*. Оно в своей сущности дает человеку и обществу благополучие, удовлетворяет их потребности, т.е. является благом, а попадая в правовое поле, обретает статус правового блага. Поэтому в юридической науке вполне допустимо использование понятий «социальная ценность» и «правовое благо» как синонимичных.

Другой аксиологической основой уголовного права выступает его *ценностная ориентация*, включающая в себя не только социальные ценности, защищаемые уголовным правом, но и уровень их защиты, иерархию. Она исторически изменчива и формируется в русле уголовно-правовой политики.

Одним из центральных понятий аксиологических основ уголовного права выступает «объект уголовно-правовой охраны», т.е. *социальная ценность, поставленная уголовным законом под охрану государства посредством установ-*

ления уголовной ответственности за общественно опасное посягательство на эту ценность.

Однако ценностная ориентация уголовного права не ограничивается объектами уголовно-правовой охраны. Иное означало бы сужение рамок аксиологической направленности, поскольку за ее пределами оказались бы *гарантии интересов участников уголовных правоотношений*. Между тем эти интересы по своей сути тоже являются социальными ценностями. Такие гарантии закреплены в нормах-принципах уголовного закона (ст. 3–8 УК РФ), а также в нормах, регламентирующих особенности уголовной ответственности отдельных категорий преступников или направленных на защиту интересов потерпевших³.

Интересы участников уголовных правоотношений как социальные ценности являются объектами уголовно-правовых гарантий и отличаются от объектов уголовно-правовой охраны по признаку отсутствия посягательства на них. Между тем некоторые правовые блага, например право на защиту от незаконного уголовного преследования, могут выступать в обеих ипостасях. В качестве объекта уголовно-правовой охраны это право закреплено в соответствующих нормах о преступлениях

³ Дискуссия, касающаяся субъектного состава уголовно-правовых отношений, сегодня переживает ренессанс. Существуют полярные взгляды на возможность отнесения к участникам этих отношений потерпевшего. Ряд ученых отрицают такую возможность (см.: Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М. : КОНТРАКТ, 2017 (автор главы – А.В. Корнеева). Мы же являемся сторонниками их оппонентов (Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2006; Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность : монография. М. : Норма ; Инфра-М, 2012; и др.).

² Участие прокуратуры в правотворческой деятельности осуществляется на основании п. 4 ст. 1 и ст. 9 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

против правосудия (ст. 299, 301, 303 УК РФ), а в качестве объекта уголовно-правовых гарантий – в принципах уголовного закона.

Рассмотрим более подробно элементы, характеризующие ценностную ориентацию уголовного права.

Прежде всего следует описать *систему объектов уголовно-правовой охраны*, определяющую идеологическую направленность уголовного закона. Эта система формируется не только посредством формулирования перечня объектов уголовно-правовой охраны, но и путем установления их иерархии.

Перечень объектов уголовно-правовой охраны нельзя понимать узко как «список» правовых благ, приведенный в самостоятельной статье уголовного закона, закрепляющей его задачи. Единственным источником информации о фактическом перечне объектов уголовно-правовой охраны являются нормы Особенной части уголовного права, поскольку они сгруппированы с учетом видовых отличий объектов посягательства. Анализ совокупности этих объектов позволяет определить систему объектов уголовно-правовой охраны.

Например, в ст. 2 УК РФ сформулированы задачи уголовного закона: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. В приведенной норме ничего не сказано об охране таких социальных ценностей, как интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, интересы правосудия, порядок управления. Что никоим образом

не исключает данные ценности из числа объектов уголовно-правовой охраны, о чем свидетельствует наличие в Особенной части УК РФ соответствующих составов преступлений (гл. 30–32).

Что лежит в основе формирования перечня объектов уголовно-правовой охраны? Анализ отечественного и зарубежного уголовного законодательства показывает, что в каждой уголовно-правовой системе сложились свои традиции. Вместе с тем в структуре Особенной части уголовных кодексов стран мира имеются некоторые общие черты. Так, во всех уголовных кодексах в качестве самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны обозначены личность, экономика, интересы государственной власти. Наряду с этим уголовное законодательство некоторых стран охраняет специфические социальные ценности, например ислам в Саудовской Аравии, Омане, Катаре. Сравнительно-правовой срез позволяет выявить универсальные социальные ценности и те ценности, которые охраняются в том или ином обществе в силу уникальных социокультурных традиций региона.

Ретроспективный анализ различных систем объектов уголовно-правовой охраны показал, что с течением времени качественно меняются подходы к пониманию социальных ценностей и их охране.

Переход общества от одного строя к другому неизбежно сопровождался изменением в экономике, а также религиозном и политико-правовом сознании, как результат – появлялись новые социальные ценности, нуждавшиеся в усиленной государственной охране. Их нетрудно отследить по перечню обстоятельств, отягчающих наказание. Так, после установления у нас в стране со-

ветской власти в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. в качестве одного из таких обстоятельств провозглашалось совершение деяния в интересах восстановления власти угнетающего класса. Любое преступление этой направленности рассматривалось как посягающее на рабоче-крестьянскую власть, что обуславливало его многообъектность и повышенный уровень ответственности. Современный перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1 ст. 63 УК РФ), свидетельствует о том, что в зените находится уголовно-правовая охрана толерантности в обществе (п. «е»), интересы несовершеннолетних (п. «п»), общественная безопасность (п. «р»).

Уголовному праву Нового и Новейшего времени, формировавшемуся в период реформ и революций, в целом во всем мире была присуща *политическая тенденциозность*. Стремление государства максимально защитить определенное правовое благо приводило к тому, что ответственность за посягательство на «приоритетное» правовое благо была крайне суровой и практически не дифференцировалась по признаку дополнительного объекта. В отечественной истории ярким примером тенденциозности уголовного права являлось принятие в 1932 г. «закона о колосках», которым в качестве единственной меры наказания за хищение грузов на транспорте, колхозного и кооперативного имущества независимо от размера и способа предусматривался расстрел с конфискацией всего имущества.

Помимо политических условий на аксиологической направленности современного уголовного права отразилась берущая свое начало из эпохи Возрождения *гуманизация права*, которая

существенно повлияла на концептуальное понимание объекта преступлений против веры. Господство буржуазных взглядов на религию и право привело к тому, что в континентальном уголовном праве религиозные преступления представляли собой посягательства уже не на права Бога или государственные интересы, а на права физических и юридических лиц. Это привело к исключению многообъектных составов преступлений, представлявших собой посягательства на веру и иное правовое благо (например, убийство, причинение телесных повреждений, кража, совершенные на территории церкви в отношении прихожан), которые были так свойственны средневековому уголовному праву. Группа преступлений против веры в эпоху Нового времени включала в основном составы богохульства и воспрепятствования богослужению. Причем если еще в середине XIX в. в России в качестве объекта посягательства в преступлениях против веры выступала только христианская религия, то уже в начале XX в. был сделан существенный шаг навстречу равной охраны чувств верующих, принадлежащих к различным религиозным конфессиям (ст. 80 Уголовного уложения 1903 г.).

Развитие естествознания и формирование научного мировоззрения – в нем на самом деле заключался глобальный прорыв во всех сферах жизни общества – способствовало более глубокому пониманию механизмов причинения вреда, что оказало непосредственное влияние на систему объектов уголовно-правовой охраны. Историческая изменчивость форм и способов поведения человека современной эпохи, обусловленная стремительным развитием интеллекта и прогрессирующей вари-

тивностью поведения, не могли не отразиться на аксиологической направленности уголовного права.

В частности, на криминальную сферу большое влияние оказал *научно-технический прогресс*. В конце прошлого столетия повсеместное распространение получило использование в преступных целях компьютерной информации и информационных технологий, что послужило основанием криминализации компьютерных преступлений и дифференциации ответственности за противоправные деяния, совершенные указанным способом. Таким образом под охрану государства, в том числе и уголовно-правовыми средствами, была взята безопасность компьютерной информации.

Развитие философии и социальных наук (социологии, психологии, истории, политологии и юриспруденции) изменило понимание сущности правовых благ и механизмов их государственной охраны. Как результат, появились составы преступлений, объекты посягательства которых имели сложную содержательную структуру (кумулятивные, интегративные и комплексные объекты посягательства). Охраняя такое благо, государство охраняет и другие блага, сохранность которых обеспечивается первым. И хотя эта тенденция привела к исключению некоторых составов преступлений в связи с изменением структуры объекта, подобная концепция уголовно-правовой охраны является прогрессивной и эффективной, позволяет учесть все возможные вредные последствия преступления.

Постараемся объяснить это на примере уголовной ответственности за массовые беспорядки. Изначально они рассматривались как многообъектные преступления, посягающие на порядок

управления (основной объект посягательства) и жизнь, здоровье или собственность в зависимости от наступивших последствий (ст. 289 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ст. 75 УК РСФСР 1922 г., ст. 59² УК РСФСР 1926 г.). Понятия общественной безопасности как правового блага еще не существовало, возможности ее охраны как объекта, обеспечивающего безопасность других правовых благ (личности, собственности и т.д.), не имели научного обоснования. На примере отечественного уголовного законодательства видно, как по мере развития социально-философских представлений об объектах уголовно-правовой охраны и объектах преступных посягательств изменялось понимание объекта массовых беспорядков: посягательство на порядок управления и дополнительный объект (дореволюционный и ранний советский период), на государство и дополнительный объект (ст. 79 УК РСФСР 1960 г.), на общественную безопасность (ст. 212 УК РФ). В основе этой эволюции лежит переход от сложной формы к сложному содержанию объекта преступления.

На национальные системы объектов уголовно-правовой охраны оказал и продолжает оказывать влияние такой современный культурный феномен, как *двуединство процессов глобализации и деглобализации социальных ценностей*. Впервые вопрос о необходимости признания приоритета общепланетарных ценностей, если человечество хочет справиться с новыми, не имеющими прецедента вызовами, поставили члены Римского клуба – международной организации, объединяющей представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты.

Эти идеи были подвергнуты серьезному осмыслению в различных сферах научного познания.

Как результат, сегодня можно констатировать существование международно-правовой охраны общепланетарных ценностей. Для национальных уголовных законодательств это имеет первостепенное значение, положения конвенций о борьбе с теми или иным угрозами, принимаемые международным сообществом, имплементируются в уголовное законодательство различных стран, в том числе и России. Таким образом, можно говорить о том, что позиционирование международным сообществом в качестве объектов уголовно-правовой охраны глобальных ценностей непосредственно отражается на аксиологической ориентации национальных законодательных систем. Например, мир и безопасность человечества стали рассматриваться в качестве объектов уголовно-правовой охраны лишь после Второй мировой войны, когда эти ценности были провозглашены в нормах международного права.

Между тем нельзя игнорировать и противоположную тенденцию – антиглобализацию, возникшую в ответ на стремление индустриально-рыночной цивилизации распространить свои неолиберальные ценности на всю планету без учета своеобразия социокультурных традиций других стран. Политическая философия антиглобализма и альтерглобализма сегодня очень популярна, ученые отмечают, что «оборотной стороной глобализации является возрастание национального»⁴. В результате

национализм, обычно вкупе с религиозным компонентом, становится идейной опорой в противостоянии воздействию извне.

Влияние этой политической тенденции можно наблюдать в уголовном праве мусульманской правовой семьи. Речь идет об исламизации уголовного права, пришедшей на смену его европеизации, что прежде всего нашло отражение в круге объектов уголовно-правовой охраны и интенсивности этой охраны. В ряде стран в числе объектов уголовно-правовой охраны на первое место вновь были поставлены мусульманская вера и патриархальность традиций, что несвойственно уголовному праву семей континентального и общего права.

В российском уголовном праве наблюдается асимметричность процессов сближения и разобщения аксиологических основ уголовного права с западными ценностными ориентациями. С одной стороны, у нас вводится и ужесточается уголовная ответственность за так называемые «конвенционные» преступления, посягающие на различные виды безопасности – общественную, экономическую, экологическую, информационную, безопасность человечества.

С другой стороны, наше государство отказывается от защиты таких западных ценностей, как интересы ЛГБТ-сообществ. Конституцией Российской Федерации провозглашается защита института брака как союза мужчины и женщины (п. «ж»¹ ч. 1 ст. 72). В направлении этого ценностного ориентира строится и уголовно-правовая охрана нравственности. В ст. 134 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершаемые без принуждения действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего

⁴ *Атмурзаева Ф.И.* Специфика социальных трансформаций в современной России (глобализационный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2005. С. 9.

возраста, изначально была установлена равная ответственность как за половое сношение, так и за мужеложство или лесбиянство. В 2012 г. последние стали наказываться строже и пополнили категорию тяжких преступлений (ч. 2 ст. 134 УК РФ). Такая дифференциация ответственности была бы вполне уместна в контексте пенализации развратных действий, а также некоторых преступлений против общественной нравственности, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних.

Осуществление охранительной функции является одной из основных задач уголовного закона. Вместе с тем уголовное право защищает интересы, выходящие за рамки уголовно-правовой охраны от преступных посягательств и представляющие собой *объекты уголовно-правовых гарантий*.

К числу таких интересов традиционно относятся интересы отдельных категорий преступников – несовершеннолетних, больных людей, беременных женщин, а также лиц, имеющих малолетних детей. Защитную функцию применительно к объектам уголовно-правовых гарантий выполняют нормы Общей части УК РФ, направленные на смягчение уголовной репрессии в отношении указанных категорий лиц. Социально-правовой основой этой защиты выступает балансирование уголовного закона между соблюдением принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ) и принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Трендом современного уголовного закона стало установление уголовно-правовых гарантий интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, совершивших экономические преступле-

ния. Правда, социальная обусловленность снижения уровня репрессии в отношении этих лиц явно не вписывается в приведенную выше парадигму баланса двух принципов уголовного закона.

Вряд ли можно объяснить гуманизмом предоставление уголовно-правовых льгот лицам, занятым каким-то определенным видом деятельности. Принцип гуманизма имеет общечеловеческое значение, если мы говорим о том, что уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ). Применительно же к индивидуализации уголовной ответственности принцип гуманизма означает запрет на наказание и иные меры уголовно-правового характера, имеющие своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ). Порог, после которого государственное принуждение может причинять физические страдания и унижать человеческое достоинство, во многом определяется полом, возрастом и иными психофизическими особенностями лица, к которому это принуждение применяется. Поэтому так легко объяснить гуманность уголовного закона по отношению к подросткам, беременным женщинам, инвалидам и т.п.

Возникает закономерный вопрос: релевантна ли ссылка на принцип гуманизма, когда речь идет о снижении уровня уголовной репрессии в отношении предпринимателей? Позволим себе усомниться и в этом. Во главе угла такой государственной политики стоят исключительно интересы экономики страны, и апеллировать к гуманизму (хотя попутно решается и

эта задача) в данном случае было бы неким лукавством. Установление уголовно-правовых льгот для предпринимателей направлено на защиту не их личных интересов, а интересов экономики, основу которой составляет предпринимательская и иная экономическая деятельность.

Еще одним современным трендом уголовного законодательства выступает защита интересов потерпевших, реализуемая посредством закрепления уголовно-правовых гарантий права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Обеспечению указанной гарантии в значительной мере способствует установление в законодательстве стимулирующих процедур, побуждающих подозреваемых, обвиняемых и осужденных возместить причиненный преступлением вред «в обмен» на освобождение от уголовной ответственности или наказания, снижение срока или размера назначенного наказания. Например, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, является смягчающим обстоятельством, причем в отличие от советского уголовного закона это обстоятельство выделяется из других смягчающих обстоятельств повышенным поощрительным потенциалом (чч. 1, 2 ст. 62 УК РФ).

Полное или частичное возмещение осужденным вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, является обязательным условием для отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости, а также для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части

наказания более мягким видом наказания. Полное возмещение вреда потерпевшему при определенных условиях выступает основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим или возмещением ущерба, а также с назначением судебного штрафа. Только при полном возмещении вреда допустимо снятие судимости до истечения срока ее погашения.

Многие из этих норм появились в последнее десятилетие, что свидетельствует об озабоченности государства проблемами потерпевшего. После долгих лет преимущественной защиты прав преступника такое изменение направления уголовно-правовой политики не может не радовать. Для усиления гарантий реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, необходимо, чтобы все уголовно-правовые льготы, если они не связаны с психофизическими особенностями преступника, применялись только при условии полного или в значительной мере возмещения вреда, причиненного преступлением. Иначе право потерпевшего на возмещение ему вреда, не имея под собой фундамента в виде уголовно-правовых гарантий, останется всего лишь правом.

Таким образом, если рассматривать российский уголовный закон через призму аксиологии, то можно констатировать, что защищаемые им социальные ценности испытывают воздействие сложного переплетения исторического, международного и глобального культурного обмена. Для того чтобы уголовное право отвечало реальным потребностям общества и государства и

эффективно выполняло свою отраслевою функцию, необходимо, чтобы его аксиологическая концепция естественным образом укладывалась в канву государственной политики России. В связи с этим нельзя не отметить, что прокуратура Российской Федерации как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, участие в правотворческой деятельности, является непосредственным проводником государственной политики и вот уже 300 лет, реализуя свои многогранные полномочия, стоит на страже тех социальных ценностей, которые провозглашены и охраняются российским государством.

Библиографический список

1 *Анощенко С.В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2006.

2 *Атмуразаева Ф.И.* Специфика социальных трансформаций в современной России (глобализационный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Санкт-Петербург, 2005.

3 *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. – Москва, 1910.

4 *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность : монография. – Москва : Норма ; Инфра-М, 2012.

5 *Уголовное право России. Общая и Особенная части* : учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – Москва : КОНТРАКТ, 2017.

Университетом прокуратуры Российской Федерации подготовлена и издана книга:

Теоретические, организационные и правовые проблемы создания цифровой среды органов прокуратуры Российской Федерации: монография / И.В. Горшко [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинос; рук. авт. коллектива И.В. Горшко. – Москва: Проспект, 2021. – 168 с.

В монографии рассматриваются вопросы, связанные с формированием цифровой среды органов и организаций прокуратуры Российской Федерации.

Особое внимание уделено концептуальным аспектам цифровой трансформации: стратегиям и программам построения информационного общества, методологии построения цифровой инфраструктуры, проектному управлению в государственных органах. Затрагиваются вопросы инструментальной основы цифровой трансформации: информационно-коммуникационных технологий, средств и методов защиты информации. Рассматриваются проблемы правового регулирования использования информационных технологий и систем, электронного документооборота и обеспечения информационной безопасности. Формулируются предложения, направленные на совершенствование нормативно-правовой базы цифровой трансформации.

Отдельный раздел монографии посвящен анализу системы подготовки кадров и дополнительного профессионального образования работников органов прокуратуры в условиях информационного общества.

Законодательство приведено по состоянию на 18 февраля 2021 г. Для прокурорских работников, участвующих в мероприятиях цифровой трансформации, специалистов в области управления проектами в государственном секторе, научных работников, профессорско-преподавательского состава Университета прокуратуры Российской Федерации, всех интересующихся актуальным состоянием цифровизации общественной жизни. Может быть использована в системе повышения квалификации прокурорских работников, а также в процессе обучения студентов юридических вузов.